

■ ■ ■ «Окно Овертона» как технология трансформации исторической памяти

Шульц Э.Э.

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация.

Аннотация. Комmemорации всегда выступали как идеологические инструменты, но на современном этапе работа с «исторической памятью» стала активно использоваться как инструмент информационной войны. И если под информационной войной чаще всего понимается активная фаза противостояния, то работа с исторической памятью – это постоянный процесс, который происходит, как в «горячей», так и в «холодной» фазе противостояния. Восприятие исторических событий, основанное на доступных фактах, в условиях медиатизации социального пространства всё в большей степени дополняется и заменяется их смысловой интерпретацией. Это вызывает к жизни появление таких понятий, как «постправда» и «постреальность». В ситуации прогрессирующего роста источников и объёмов информации, «настоящая» реальность отходит на второй план и уступает место потоку интерпретаций, производимых заинтересованными субъектами в целях влияния на сознание и поведение потребителей. Одной из ключевых технологий изменений «исторической памяти» является так называемое «окно Овертона». Статья посвящена анализу принципов работы данного инструмента по целенаправленному изменению исторической памяти на примере Второй мировой – Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: комmemорации, историческая память, войны памяти, «окно Овертона», Великая Отечественная война, Вторая мировая война

Для цитирования: Шульц Э.Э. «Окно Овертона» как технология трансформации исторической памяти // Коммуникология. 2025. Том 13. № 2. С. 13-25. DOI 10.21453/2311-3065-2025-13-2-13-25.

Сведения об авторе: Шульц Эдуард Эдуардович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой коммуникационных технологий Московского государственного лингвистического университета. ORCID: 0000-0002-9067-6228. E-mail: nuar1@yandex.ru. Адрес: 119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 38 стр. 1.

Статья поступила в редакцию: 14.05.2025. *Принята к печати:* 19.06.2025.

Введение и постановка проблемы. Культурная и историческая идентификация обуславливает определенные интерпретации истории, поэтому исторические интерпретации всегда имели место. Показателен здесь пример битвы при Кадешах, произошедшей в конце XIV – нач. XIII вв. до н. э. (более точная датировка невозможна) между войсками Египетского и Хеттского царств, которая

Конфликт интересов: отсутствует.

на основании египетских источников преподносилась как триумф фараона Рамсеса II... пока не были найдены хеттские источники, столь же убедительно приписывающие победу хеттскому царю Муваталли II.

Подобные интерпретации всегда действовали в истории. Например, Вторая мировая война завершилась капитуляцией японского императора, которая произошла благодаря: (1) окружению советскими войсками Квантунской императорской армии (более 700 тыс. чел.), в результате чего Япония не смогла продолжать войну – «версия СССР»; (2) сбросом атомной бомбы на Хиросиму и Нагасаки (6 и 9 августа 1945 г.), что напугало японского императора и вынудило пойти на капитуляцию – «версия США».

И та, и другая интерпретация опирается на исторические факты, изменяя лишь причинно-следственные связи, поэтому обе эти интерпретации будут максимально жизнеспособны [Шульц 2022b]. Важность этих интерпретаций подчеркивается тем, что на протяжении 1990-х – 2000-х гг. «соросовские учебники» в России продвигали именно версию атомной бомбардировки, исключая сам факт наличия Квантунской группировки и ее боевых действий, и медиаресурсы, финансируемые зарубежными акторами поддерживали именно такой нарратив.

Восприятие исторических событий, основанное на доступных фактах, в условиях медиатизации социального пространства всё в большей степени дополняется и заменяется их смысловой интерпретацией. Это вызывает к жизни появление таких понятий, как «постправда» и «постреальность». В ситуации прогрессирующего роста источников и объёмов информации, «настоящая» реальность отходит на второй план и уступает место потоку интерпретаций, производимых заинтересованными субъектами в целях влияния на сознание и поведение потребителей [Чумиков 2021].

На современном этапе формирование «нужных интерпретаций» в исторической памяти становится полем информационных войн. Рассмотрим здесь так называемое «окно Овертона» как инструмент коммуникаций в формировании исторической памяти и связанного с этим общественного мнения.

«История и историческая память представляют собой различные способы понимания прошлого, первая основывается на профессиональных научных императивах, вторая определяется культурными и семейными традициями. История – это рационально аргументированная реконструкция прошлого, опирающаяся на исследования, критически оценивающие факты, события и мотивы человеческих действий. Историческая память может рассматриваться как сакральный набор абсолютных истин о прошлом, которые провозглашаются общественным наследием и определяют идентичность сообщества» [Артамонов, Тихонова 2020: 31]. Историческая память строится на коммеморациях. Коммеморация – это «сохранение в общественном сознании памяти о значимых событиях прошлого» [Антипин 2017: 79]. В основе коммеморации лежит коммеморативное ядро – некий объект или субъект (личность, событие, совокупность событий, место и т. п.), который, собственно, и является поводом для акта

поминовения. Этот объект или субъект в процессе коммеморации превращается в коммеморативный символ – архетип или мифологема, которые выходят за рамки фактов в пространство нарратива и предназначены для формирования ценностей и моделей поведения [Шуб 2018: 162]. Эта историческая память является сложным социокультурным феноменом и подвержена манипуляциям в политических целях [Репина 2003].

История вопроса. Проблема исторической памяти как особого явления в конструировании действительности была поднята в науке столетие назад и имеет серьезную теоретическую базу [Козеллек 2016; Рикёр 2004; Хальбвакс 2007; Assmann 1998; Halbwachs 1925]. На современном этапе формирование исторической памяти рассматривается как инструмент направленных коммуникационных действий с определенными и установленными целями по изменению коммемораций и исторической памяти [Аникин 2019; Антипин 2017; Арнаутова 2006; Ассман 2014; 2017]; Багдасарян, Журавлев и др., 2022а; 2022с; Багдасарян, Ларионов. и др. 2022; 2023; Бродский 2016; Ларкин 2014; Ли 2005; Линькова 2014; Репина 2003; Сенявская 2006; Чумиков, 2021; 2023; Шуб 2018; Шульц 2022b; Larionov, Baghdasaryan, 2021]. Проблемы коммеморации и исторической памяти в отечественной истории стали отдельным полем российской исследовательской мысли [Багдасарян, Журавлев и др. 2022а; 2022b; Бордюгов 2010; 2011; Головащина 2013; Копосов 2011; Маленков 2016; Сикевич 2014].

Вторая мировая война и Великая Отечественная война всегда были чувствительной темой и сферой особого внимания, поэтому проблемы исторической памяти в контексте борьбы с фальсификациями истории периода Великой Отечественной войны имеют большую исследовательскую базу [Кикнадзе 2020; 2021; Мединский 2011; Морозов 2015; Мундт 2019; Строковская 2015; Шульц 2022а; 2023].

Как отмечают исследователи, политика исторической памяти является инструментом «мягкой силы», где ключевым элементом является медиасфера [Русаков, Русакова 2020: 32-33; Шульц 2022b].

Современное состояние исследовательской базы предполагает дальнейшие шаги по формированию теоретической и методологической базы исследований проблем коммемораций истории и вовлечение широкого круга нового эмпирического материала. Актуальность данной проблематики обусловлена использованием технологий «работы с исторической памятью» в информационных войнах.

Методы. Джозеф Овертон, чье имя дало название данному явлению, не закладывал в него принцип того инструмента, который широко используется сегодня, суть заключалась в том, что, с точки зрения автора, что для каждой идеи, проблемы (в том числе исторического плана) существуют границы (окно) возможностей. «Рама» этого окна позволяет либо препятствует открыто обсуждать, поддерживать, пропагандировать, нормативно закрепить те или иные идеи, при

этом такую «раму» можно корректировать в условиях кризисных ситуаций в обществе [Багдасарян, Журавлев и др. 2022а; Володенков, Федорченко 2015]. Идеи (мысли, утверждения и т.д.) имеют следующие позиции: недопустимые – радикальные – приемлемые – разумные – стандартные – действующая норма. Пользуясь терминологией Поля Рикёра «окно Овертона» в коллективной памяти поворачивает рамку от «непростительное» к «прощение есть», а затем к «забвению» [Рикёр 2004: 644-645, 693]. Вот этот механизм и принцип действия и становится инструментом направленного процесса коммуникации. Движение этого окна/рамы происходит от недопустимого спектра мнений (в медиа и обществе) до допустимого, делая первое мейнстримом, или наоборот. В медиаполе и поле общественных дискуссий возможно проследить работу данного инструмента по изменению общественного мнения через изменение исторической памяти.

Результаты Второй мировой войны и капитуляция Японии

Атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки является единственным примером в истории использования такого вида оружия. То есть США являются единственным государством, применившим такое оружие. Подобное оружие является неконвенциональным и его применение считается преступлением против человечества. Таким образом, США становятся государством-преступником, государством-террористом. Япония становится вечным врагом США.

Реалии, в которых США являются главным союзником Японии, требуют изменения позиций от неприемлемых к действующим нормам. 80 лет изменений в общественном мнении дали необходимый результат.

Позиция: Япония воевала против США; Япония напала на США; Япония выступала союзником нацистской Германии, осужденной на международном Нюрнбергском процессе. Таким образом, Япония является виновной стороной в данной войне. Имели ли право США использовать оружие против противника? Да. Имели ли право использовать любое оружие? Да. Тем более, что атомное оружие тогда еще не подпадало под систему международных договоров. Имели ли право США бомбить территорию Японии? Да. Имели ли право бомбить сильнодействующими бомбами? Да. Виновата ли Япония в войне? Да. Она напала на соседние страны и на США. Должна ли виновная сторона отвечать за свои действия? Да. Бомбардировка снизила количество жертв войны (Если бы не бомбардировка, которая унесла 200 тыс. жизней, то погибло бы значительно больше в ходе боевых действий). Таким образом, Япония была справедливо наказана за свои преступления, атомная бомбардировка была справедливой.

Следующий поворот «окна Овертона» – обвинить в бомбежке сегодняшнего «противника» – то есть Россию, что и произошло с запуском санкций против России в 2022 г. Такая связь формируется не прямыми обвинениями безусловно. Механизм поворота «окна Овертона» работает следующим образом. Премьер-министр Японии Фумио Кисида на традиционной церемонии в Парке Мира 6 августа 2023 года, посвященной памяти жертв бомбардировки Хиросимы и Нагасаки,

не говорит о том, кто провел эту бомбардировку, а говорит о «ядерной угрозе, исходящей от России», и о недопустимости повторения Хиросимы. Генсек ООН Антониу Гуттериш выстраивает следующую логическую связь: «Почти восемь десятилетий назад Хиросиму испепелила ядерная бомба. Барабаны ядерной войны бьют вновь. Ядерная тень, что нависала над миром в период холодной войны, появилась вновь. Россия снова бряцает ядерным оружием»¹.

Таким образом, устанавливается связь «атомная бомбардировка – Россия». Если сегодня это выглядит вопиющим и странным, то одно-два десятилетия такого направленного коммуникационного воздействия переведут это положение от радикального к действующим нормам. Например, СССР напал на Японию в 1945 г., несмотря на подписанный договор и тот факт, что Япония не воевала с СССР после 1939 г. и не поддержала своим ударом нападение Германии на СССР. Квантунская группировка не ожидала нападения, поэтому была быстро окружена и вынуждена капитулировать. Если бы не такие действия СССР, которые испугали США в том, что СССР захватит весь Дальний Восток и установит «коммунистические режимы» в Японии, Южной Корее, Тайвани, Таиланде и др. странах, то не было бы необходимости сбрасывать атомные бомбы, чтобы быстрее завершить войну и бесчисленных жертв. Подобный подход (советский захват всей Европы) использовался для оправдания Фултонской речи Черчилля и холодной войны.

В опросе НКК 2005 г. (старше 18 лет, 1010 респондентов) по вопросам атомной бомбардировки японцы дали следующие ответы: бомбардировка – это скорее правильное решение – 15%, возможно, неверное решение – 33%, определенно неверное решение – 39%, затруднились с ответом – 13% респондентов. Причины, санкционирующие использование атомных бомб: бомбардировка способствовала завершению войны – 61%, потому что Япония тоже была ответственна за войну – 29%, потому что на войне используются все имеющиеся вооружения – 7% [Kobayashi 2006-2007: 195-196].

Согласно социологическому опросу 2015 г. (онлайн интервью с 29 июля по 2 августа 2015 года, выборка – 1004 человека в Японии от 18 до 64 лет) 61% японцев считали, что США должны извиниться за бомбардировки, всего 11% считают, что приносить извинения необязательно, при этом 74% респондентов уверены, что эти бомбардировки нельзя оправдать войной. Но, если взять данные только по молодежи от 18 до 24 лет, то более 40% респондентов затруднились ответить на вопрос².

Следует учитывать, что японские учебники по истории формируют образ Японии как жертвы войны, посвящают атомной бомбардировке довлеющее значе-

---

¹ Хиросима – «за дело»? Как японцы полюбили атомную бомбу // АиФ, 07 августа 2023 г. [эл. ресурс]: https://aif.ru/politics/world/hirosima_zh_delo_kak_yaponcy_polyubili_atomnyu_bombu (дата обращения: 9.04.2025).

² Мнение: в Японии намеренно замалчивают, кто сбросил бомбы на Хиросиму // Радио Sputnik, 07 августа 2015 г. [эл. ресурс]: <https://radiosputnik.ru/20150806/1166494945.html> (дата обращения: 9.04.2025).

ние, при этом изменения в отношении молодежи на лицо. Однако процесс здесь не однонаправленный. Так, опрос NHK (NHK WORLD-JAPAN News) 2005 г. среди американцев дал: 22% – абсолютно правильное решение, 34% – скорее правильное решение, 22% – возможно, неверное решение, 15% – определенно неверное решение, 7% – затруднились с ответом [Kobayashi 2006-2007: 195]. Опрос, проведенный в 2015 г. американским исследовательским центром Pews Polters, показал, что 47% молодых американцев в возрасте от 18 до 29 лет считают, что использование атомного оружия было оправданным. Опрос 2020 г. бюро вещательной корпорации NHK 1 тыс. респондентов, жителей США в возрасте от 18 до 34 лет дал 41,6% ответивших, что использование атомной бомбардировки было «непростительным», 31,3% – необходимым^{1,2}. То есть, идет процесс принятия молодежью Японии, что бомбардировка Хиросимы и Нагасаки были оправданными и разумными, и обратный процесс для молодежи США.

Таким образом, работа «окна Овертона» в этом вопросе имеет двустороннюю направленность: в одну сторону для молодежи Японии и в противоположную – для молодежи США. Положение дел в США и Японии, как инициаторов направленного коммуникационного воздействия по вопросу бомбардировок, приводят к изменениям в движении «окна Овертона».

СССР и результаты Второй мировой войны

Признаки «окна Овертона» как инструмента направленных коммуникаций с определенными политическими целями наглядно продемонстрированы на примере изменения отношения ко Второй мировой войне и роли в этой войне СССР.

С 1945 года произошло перемещение понятий в раме «окна Овертона»: СССР – союзник; СССР – враг, хоть и был союзником по антигитлеровской коалиции; СССР – виновник войны наравне с Германией. Причем последний постулат – это результат активного продвижения в общественной мысли и медийном поле с конца 1980-х гг. не только так называемых стран коллективного Запада, но и на «территории» России и ее потенциальных союзников.

На основании Резолюции 59/26 от 22 ноября 2004 года Генеральная Ассамблея ООН предложила отмечать один или оба дня 8 и 9 мая как «День памяти всем жертвам Второй мировой войны» и провозгласила эти дни как дни памяти и примирения. В странах ЕС был принят праздник 8 мая как День памяти жертвам войны, особенно это касается Прибалтики, Польши и ряда других стран Центральной и Восточной Европы. Жертвами войны стали считаться «бандеровцы» и «зеленые братья», участники литовских, латышских, эстонских, украинских форми-

---

¹ Молодежь в Японии выразила отношение к бомбардировкам Хиросимы // Красная Весна, 3 августа 2020 г. [эл. ресурс]: <https://rossaprimavera.ru/news/96ef4b63> (дата обращения: 9.04.2025).

² Survey: Changing US views on nuclear weapons // NHK WORLD-JAPAN News, Aug. 7, 2020 [эл. ресурс]: <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/news/backstories/1245/index.html> (дата обращения: 9.04.2025).

рований СС. Подмена понятия Победы над нацизмом (и фашизмом) на понятие «все жертвы войны» позволяет сделать полный оборот «окна Овертона» и сделать неприемлемое приемлемой нормой.

Эта работа «окна Овертона» связана с другим процессом замены позиций: с «СССР – победитель в войне и освободитель», на «СССР – виновник Второй мировой войны». Первые повороты «окна Овертона» – это осуждение тоталитарных режимов, «сталинского режима», который приравнивается к нацистскому режиму, и всех «коммунистических режимов» как античеловечных (Парламентская ассамблея Совета Европы, Резолюция 12 мая 2005 «о 60-й годовщине окончания Второй мировой войны в Европе 8 мая 1945 года»; резолюция № 1481 2006 г.; Пражская декларация о европейском сознании и коммунизме от 3.06.2008; Резолюция «Европейская совесть и тоталитаризм» от 2 апреля 2009 г.; доклад Комиссии от 22 декабря 2010 года о памяти о преступлениях, совершенных тоталитарными режимами в Европе; Варшавская декларация 23 августа 2011 года «о Европейском дне памяти жертв тоталитарных режимов» и др.). Устанавливается день памяти жертв тоталитарных режимов (Варшавская декларация 23 августа 2011 года «о Европейском дне памяти жертв тоталитарных режимов»).

Еще один поворот – обвинение СССР в развязывании Второй мировой войны. СССР и нацистская Германия заключили пакт Риббентропа-Молотова, который привел к нападению на Польшу и Второй мировой войне. Затем Сталин напал на Прибалтику и Финляндию. После окончания войны Советский Союз оккупировал ряд европейских стран, которые полвека «были лишены свободы, суверенитета, достоинства, прав человека и социально-экономического развития»¹. Нацистский режим был осужден на Нюрнбергском процессе, преступления сталинизма и других диктатур – пока нет². Таким образом, из принятого – СССР, который вынес основную тяжесть войны и разгромил нацистскую Германию, освободив Европу, и был главным инициатором Нюрнбергского процесса – происходит перевод в неприемлемое, а принятым становится вина СССР. Подмена фактов и понятий очевидна, но теперь России необходимо доказывать, что «она не виновата»³.

Резолюция Европейского парламента 19 сентября 2019 «О важности европейской памяти для будущего Европы»⁴ фактически завершает движение «окна Овертона». Резолюция требует от России прекратить прославлять СССР и «призывает российское общество смириться со своим трагическим прошлым»; резолюция выражает обеспокоенность «усилиями нынешнего российского руководства по искажению исторических фактов и обелению преступлений, совер-

---

¹ European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe [эл. ресурс]: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 3.04.2025).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

шенных советским тоталитарным режимом, и считает их опасным компонентом информационной войны, развязанной против демократической Европы, которая направлена на раскол Европы, и поэтому призывает Комиссию решительно противодействовать этим усилиям». Резолюция осуждает исторический ревизионизм, к которому относит, как «героизацию нацистских коллаборационистов в некоторых государствах – членах ЕС», так и политику российских властей по сохранению исторической памяти¹.

Эти пошаговые движения отразились в медиаполе всех стран «коллективно-го Запада» и России. Большой объем материалов в медиаполе (в науке и общественной мысли) России в последние два десятилетия, которые доказывают на исторических источниках, что все подобные заявления – это антинаучная глупость, меняют представления в российском обществе [Ассман 2017; Багдасарян, Журавлев и др., 2022а], но слабо сказываются на зарубежной общественной мысли. Такие действия обвиняются в попытках оправдаться, закрыть свою историческую травму, осуждаются как государственная политика ревизии истории [Ассман 2014: 172-173; Weiss-Wendt 2020: 252-257].

Выводы. Интерпретации истории не являются безобидным явлением общественной мысли. Эти интерпретации используются в политических интересах и геополитике. Историческая память является сегодня объектом активного и направленного коммуникационного воздействия в контексте информационных и гибридных войн. В работе с исторической памятью регулярно используется так называемое «окно Овертона», которое является действенным инструментом подмены понятий и изменения отношения от неприемлемого к принятой норме и наоборот. Принципы работы данного инструмента вполне понятны и для противодействия требуется вмешательство на каждом этапе воздействия в информационном поле, а не неизбежная тяжелая борьба с результатом полного оборота «окна Овертона».

Источники

Анкин Д.А. (2019). Травматизация исторической памяти: Европейский проект vs национальный дискурс // *Studia Humanitatis*. № 4. С. 37-42.

Антипин Н.А. (2017). 50-летие русско-японской войны в СССР: коммеморативные практики в 1954-1955 гг. // *История и память*. № 6. С. 79-93.

Арнаутова Ю.А. (2006). Культура воспоминания и история памяти // *История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени* / Под ред. Л. И. Репиной. М.: Кругъ. С. 47-55.

Артамонов Д.С., Тихонова С.В. (2020). История и историческая память о Великой Отечественной войне в коммуникативных практиках цифрового общества // *Российская школа святей с общественностью*. № 17. С. 29-43.

---

¹ European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe [эл. ресурс]: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 3.04.2025).

Ассман А. (2014). Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение.

Ассман А. (2017). Распалась связь времён? Взлёт и падение темпорального режима Модерна. М.: Новое литературное обозрение.

Багдасарян В.Э., Журавлев В.В. и др. (2022a). Восприятие советского прошлого в контексте формирования новых идентичностей, войн памяти и образов будущего на постсоветском пространстве. М.: Проспект.

Багдасарян В.Э., Журавлев В.В. и др. (2022b). Отношение российского общества к СССР: результаты социологического опроса 2022 г. // Образ СССР в социальной памяти поколений современной России и бывших советских республик – Материалы всероссийской научной конференции молодых ученых, Москва, 18 октября 2022 г. / Отв. ред. В.В. Журавлев. СПб.: Научное издание. С. 115-130.

Багдасарян В.Э., Журавлев В.В. и др. (2022c). Взгляд молодежи на советскую эпоху: между перспективами новых идентичностей и вызовами войн памяти // Журнал политических исследований. Т. 6. № 1. С. 85-97.

Багдасарян В.Э., Ларионов А.Э. и др. (2022). Информационные факторы формирования исторического сознания молодежи (на примере изучения представлений о Великой Отечественной войне) // Вопросы истории. № 8-1. С. 34-49.

Багдасарян В.Э., Ларионов А.Э. и др. (2023). Отношение к руководителям СССР в контексте исторического образования россиян // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. № 4. С. 44-52.

Бордюгов Г.А. (2011). Войны памяти на постсоветском пространстве. М.: АИРО-XXI.

Бордюгов Г.А. (2010). Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. М.: АИРО-XXI.

Бродский А.И. (2016). Анатомия традиций. Физиологические и семиотические основания вытеснения и актуализации в культуре // Studia Culturae. № 30. С. 18-29.

Володенков С.В., Федорченко С.Н. (2015). Окно Овертона – манипулятивная матрица политического менеджмента // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. № 4 (303). С. 83-93.

Головашина О.В. (2013). Образ Советского Союза в социальной памяти современных россиян (на материалах эмпирического исследования) // Социально-экономические явления и процессы. № 11. С. 193-198.

Кикнадзе В.Г. (2020). Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Историческая правда о ключевых событиях и явлениях в вопросах и ответах. М.: Прометей.

Кикнадзе В.Г. (2021). Российская политика защиты исторической правды и противодействия пропаганде фашизма, экстремизма и сепаратизма: Монография. М.: Прометей.

Козеллек Р. (2016). «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» – две исторические категории // Социология власти. № 2. С. 149-173.

Копосов Н.Е. (2011). Память строгого режима. История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение.

Ларкин Л.Г. (2014). Историческая ретроспектива понимания войны в культуре // Аналитика культурологии. № 30. С. 63-68.

Ли Д. (2005). Политика памяти и преодоление прошлого: Вторая мировая война и её восприятие в современной Европе // Новое литературное обозрение. № 4. С. 112-136.

Линькова Е.В. (2014). К вопросу о формировании образа России в Западной Европе // Вестник РУДН. Сер.: Всеобщая история. №1. С. 51-59.

Маленков В.В. (2016). Образ Советского Союза в темпоральной конструкции формирующейся российской нации // Среднерусский вестник общественных наук. № 5. С. 136-144.

Мединский В.Р. (2011). Война. Мифы СССР. 1939-1945. М.: ОлмаМедиаГрупп, Просвещение.

Морозов Ю.В. (2015). Фальсификация итогов Второй мировой войны в рамках информационной борьбы против России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. № 25. С. 50-63.

Мундт Л.А. (2019). Образ СССР в годы Великой Отечественной войны в швейцарской газете «Neue Zürcher Zeitung» // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Межд. отношения. № 2. С. 131-139.

Репина Л.П. (2003). Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ ВШЭ [режим доступа]: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/t4i3bktcnj/direct/77944920.pdf> (дата обращения: 8.02.2025).

Рикёр П. (2004). Память, история, забвение /Пер. с франц. М.: Изд-во гуманитарной лит-ры.

Русаков В.М., Русакова О.Ф. (2020). Инфраструктура новой политики национальной памяти на постсоветском пространстве. К постановке проблемы // Дискурс-Пи. Т. 17. № 2. С. 27-47.

Сенявская Е.С. (2006). Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН.

Сикевич З.В. (2014). Историческое прошлое в социальных ожиданиях россиян // Вестник СПбГУ. Сер. 12. № 2. С. 196-206.

Строковская Т.Е. (2015). Вторая мировая война в учебниках истории стран Евросоюза в контексте национальной идентичности // Историческая психология и социология истории. № 1. С. 21-32.

Хальбвакс М. (2007). Социальные рамки памяти. М.: Новое изд-во.

Чумиков А.Н. (2021). Позиционирование военной истории: коммеморация и интерпретация // Наука. Общество. Оборона. Т. 9. № 3(28). DOI: 10.24412/2311-1763-2021-3-22-22.

Чумиков А.Н. (2023). Актуальный инструментарий информационного противоборства в «холодной», «горячей» и «гибридной» войне // Наука. Общество. Оборона. № 2 [эл. ресурс]: <https://www.noo-journal.ru/vak/2023-2-35/chumikov-aktualnyy-instrumentariy-informatsionnogo-protivoborstva-v-kholodnoy-goryachey-i-gibrid/> (дата обращения: 3.04.2025).

Шуб М.Л. (2018). Феномен коммеморации: опыт культурологического анализа практик публичного поминовения (на примере наименования улиц Челябинска) // Обсерватория культуры. Т. 15. № 2. С. 161-169.

Шульц Э.Э. (2023). Стереотипные образы Великой отечественной войны: образ мирно спящей границы и неготовности СССР к нападению // Вопросы истории. № 3(1). С. 32-39.

Шульц Э.Э. (2022a). Стереотипные образы Великой Отечественной войны: Сталин, глобус и винтовки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. № 1. С. 20-29.

Шульц Э.Э. (2022b). Фейковые новости в современных коммуникационных процессах // Вестник Российского государственного университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. Т. 9. № 3. С. 262-273.

Assmann J. (1998). Moses the Egyptian: The Memory of Egypt in Western Monotheism. Harvard University Press.

Halbwachs M. (1925). Les cadres sociaux de memoire. Paris.

Kobayashi T. (2006-2007). Fading Memories of the Atomic Bomb and Growing Fears of Nuclear War. *NHK broadcasting studies*. № 5. P. 186-215.

Larionov A., Baghdasaryan V., etc. (2021). Exogenous factors of memory formation about the great soviet era in contemporary Russia. *Linguistics and Culture Review*. No. 5 (S3). DOI: 10.21744/lingure.v5nS3.1830.

Weiss-Wendt A. (2020). Putin's Russia and the Falsification of History. Reasserting Control over the Past. Bloomsbury Academic.

■ ■ ■ The Overton Window as a Technology for Transforming Historical Memory

Shults E.E.

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.

Abstract. Commemorations have always acted as ideological tools, but at the present stage historical memory has begun to be actively used as a space for information warfare. But, whereas the information warfare is most often understood as the active phase of confrontation, then shaping historical memory is a constant process that occurs both in “hot” and “cold” phases of confrontation. In the context of mediatization of social space, the perception of historical events based on available facts, is increasingly supplemented and replaced by their semantic interpretation. This brings to life the emergence of concepts such as “post-truth” and “post-reality”. In a situation of progressive growth of sources and volumes of information, “real” reality fades into the background and gives way to the flow of interpretations made by stakeholders in order to influence the consciousness and behavior of consumers. One of the key technologies for changing historical memory is the Overton Window. The article is devoted to the analysis of the principles of work of this tool to purposefully change historical memory on the example of World War II.

Keywords: commemoration, historical memory, memory warfare, Overton window, World War II

For citation: Shults E.E. (2025). The Overton Window as a technology for transforming historical memory. *Communicology*. Vol. 13. No. 2. P. 13-25. DOI 10.21453/2311-3065-2025-13-2-13-25.

Inf. about the author: Shults Eduard Eduardovich – CandSc (Hist.), associate professor, Head of the Department of Communication technology Moscow State Linguistic University. ORCID: 0000-0002-9067-6228. E-mail: nuap1@yandex.ru. Address: 119034, Russia, Moscow, Ostozhenka st., 38/1.

Received: 14.05.2025. *Accepted:* 19.06.2025.

References

- Anikin D.A. (2019). Traumatization of Historical Memory: The European Project vs. National Discourse. *Studia Humanitatis*. No. 4. P. 37-42 (in Rus.).
- Antipin N.A. (2017). The 50th Anniversary of the Russian-Japanese War in the USSR: Commemorative Practices in 1954-1955. *History and Memory*. No. 6. P. 79-93 (in Rus.).
- Arnautova Yu.A. (2006). The Culture of Remembrance and the History of Memory. In: L.I. Repina (ed.), *History and Memory: Historical Culture of Europe before the Beginning of the Modern Age*. Moscow: Rus. P. 47-55 (in Rus.).
- Artamonov D.S., Tikhonova S.V. (2020). History and Historical Memory of the Great Patriotic War in the Communication Practices of the Digital Society. *Russian School of Public Relations*. № 17. P. 29-43 (in Rus.).

- Assman A. (2014). *The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics*. Moscow: New Literary Review (in Rus.).
- Assman A. (2017). *Has the Connection of Times Broken? The Rise and Fall of the Temporal Regime of Modernity*. Moscow: New Literary Review (in Rus.).
- Assmann J. (1998). *Moses the Egyptian: The Memory of Egypt in Western Monotheism*. Harvard University Press.
- Bagdasaryan V.E., Larionov A.E. et al. (2022). Information Factors in the Formation of Historical Consciousness of Young People (Based on the Study of Ideas about the Great Patriotic War). *Questions of History*. No. 8-1. P. 34-49 (in Rus.).
- Bagdasaryan V.E., Larionov A.E. et al. (2023). Attitude to the leaders of the USSR in the context of historical education of Russians. *Bulletin of the State University of Education*. Series: History and political sciences. No. 4. P. 44-52 (in Rus.).
- Bagdasaryan V.E., Zhuravlev V.V. et al. (2022a). Perception of the Soviet Past in the Context of the Formation of New Identities, Memory Wars, and Images of the Future in the Post-Soviet Space. Moscow: Prospect (in Rus.).
- Bagdasaryan V.E., Zhuravlev V.V. et al. (2022b). The Attitude of Russian Society to the USSR: Results of the 2022 Sociological Survey. In: V.V. Zhuravlev (ed.), *The Image of the USSR in the Social Memory of Generations of Modern Russia and the Former Soviet Republics – Proceedings of the All-Russian Scientific Conference of Young Scientists*; Moscow, October 18, 2022. SPb.: Science-intensive technologies. P. 115-130 (in Rus.).
- Bagdasaryan V.E., Zhuravlev V.V. et al. (2022s). Young People's View of the Soviet Era: Between the Prospects of New Identities and the Challenges of Memory Wars. *Journal of Political Studies*. Vol. 6. No. 1. P. 85-97 (in Rus.).
- Bordyugov G.A. (2010). *October. Stalin. Victory. The cult of anniversaries in the space of memory*. Moscow: AIRO-XXI (in Rus.).
- Bordyugov G.A. (2011). *Wars of memory in the post-Soviet space*. Moscow: AIRO-XXI (in Rus.).
- Brodsky A.I. (2016). Anatomy of traditions. Physiological and semiotic bases of displacement and actualization in culture. *Studia Culturae*. No. 30. P. 18-29 (in Rus.).
- Chumikov A.N. (2021). Positioning military history: commemoration and interpretation. *Science. Society. Defense*. Vol. 9. No. 3(28). DOI: 10.24412/2311-1763-2021-3-22-22 (in Rus.).
- Chumikov A.N. (2023). Actual tools of information confrontation in "cold", "hot" and "hybrid" war. *Science. Society. Defense*. No. 2 [el. source]: <https://www.noo-journal.ru/vak/2023-2-35/chumikov-aktualnyy-instrumentariy-informatsionnogo-protivoborstva-v-kholodnoy-goryachey-i-gibrid/> (accessed: 04/03/2025).
- Golovashchina O.V. (2013). The image of the Soviet Union in the social memory of modern Russians (based on empirical research). *Socio-economic phenomena and processes*. No. 11. P. 193-198 (in Rus.).
- Halbwachs M. (1925). *Les cadres sociaux de memoire*. Paris.
- Halbwachs M. (2007). *Social frameworks of memory*. Moscow: New publishing house (in Rus.).
- Kiknadze V.G. (2020). *The Great Patriotic War of 1941-1945. Historical truth about key events and phenomena in questions and answers*. Moscow: Prometheus (in Rus.).
- Kiknadze V.G. (2021). *Russian policy of protecting historical truth and countering the propaganda of fascism, extremism and separatism: Monograph*. Moscow: Prometheus (in Rus.).
- Kobayashi T. (2006-2007). *Fading Memories of the Atomic Bomb and Growing Fears of Nuclear War*. *NHK broadcasting studies*. № 5. P. 186-215.
- Koposov N.E. (2011). *Memory of the strict regime. History and politics in Russia*. Moscow: New literary review (in Rus.).
- Koselleck R. (2016). "Space of experience" and "horizon of expectations" – two historical categories. *Sociology of power*. No. 2. P. 149-173 (in Rus.).

Larionov A., Baghdasaryan V., etc. (2021). Exogenous factors of memory formation about the great soviet era in contemporary Russia. *Linguistics and Culture Review*. No. 5 (S3). DOI: 10.21744/lingcure.v5nS3.1830.

Larkin L.G. (2014). Historical retrospective of understanding the war in culture. *Analytics of cultural studies*. No. 30. P. 63-68 (in Rus.).

Lee D. (2005). The politics of memory and overcoming the past: World War II and its perception in modern Europe. *New literary review*. No. 4. P. 112-136 (in Rus.).

Linkova E.V. (2014). On the issue of the formation of the image of Russia in Western Europe. *Bulletin of RUDN. Series: General history*. No. 1. P. 51-59 (in Rus.).

Malenkov V.V. (2016). The Image of the Soviet Union in the Temporal Construction of the Emerging Russian Nation. *Central Russian Bulletin of Social Sciences*. No. 5. P. 136-144 (in Rus.).

Medinsky V.R. (2011). War. Myths of the USSR. 1939-1945. Moscow: OlmaMediaGroup, Prosveshchenie (in Rus.).

Morozov Yu.V. (2015). Falsification of the Results of World War II as Part of the Information War against Russia. *National Interests: Priorities and Security*. No. 25. P. 50-63 (in Rus.).

Mundt L.A. (2019). The Image of the USSR during the Great Patriotic War in the Swiss Newspaper Neue Zürcher Zeitung. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political Science. History. Int. Relations*. № 2. P. 131-139 (in Rus.).

Repina L.P. (2003). Cultural Memory and Problems of Historiography (Historiographic Notes). Moscow: HSE [access mode]: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/t4i3bktcnj/direct/77944920.pdf> (accessed: 04/08/2025).

Ricoeur P. (2004). Memory, History, Oblivion (transl. from French). Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature (in Rus.).

Rusakov V.M., Rusakova O.F. (2020). Infrastructure of the New Policy of National Memory in the Post-Soviet Space. Towards the Formulation of the Problem. *Discourse-Pi*. Vol. 17. № 2. P. 27-47 (in Rus.).

Senyavskaya E.S. (2006). Russia's opponents in the wars of the 20th century: the evolution of the "image of the enemy" in the consciousness of the army and society. Moscow: ROSSPEN (in Rus.).

Shub M.L. (2018). The Phenomenon of Commemoration: An Experience of Cultural Analysis of Public Remembrance Practices (Based on the Example of Naming Streets in Chelyabinsk). *Observatory of Culture*. Vol. 15. No. 2. P. 161-169 (in Rus.).

Shultz E.E. (2022a). Stereotypical Images of the Great Patriotic War: Stalin, a Globe, and Rifles. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*. No. 1. P. 20-29 (in Rus.).

Shultz E.E. (2022b). Fake News in Modern Communication Processes. *Bulletin of Peoples' Friendship State University of Russia. Series: State and municipal administration*. Vol. 9. No. 3. P. 262-273 (in Rus.).

Shultz E.E. (2023). Stereotypical Images of the Great Patriotic War: The Image of a Peacefully Sleeping Border and the USSR's Unpreparedness for an Attack. *Questions of History*. No. 3(1). P. 32-39 (in Rus.).

Sikevich Z.V. (2014). Historical past in the social expectations of Russians. *Bulletin of St. Petersburg State University. Series*. 12. No. 2. P. 196-206 (in Rus.).

Strokovskaya T.E. (2015). The Second World War in the history textbooks of the EU countries in the context of national identity. *Historical Psychology and Sociology of History*. No. 1. P. 21-32 (in Rus.).

Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. (2015). The Overton Window – a manipulative matrix of political management. *Scientific and analytical journal Observer*. No. 4 (303). P. 83-93 (in Rus.).

Weiss-Wendt A. (2020). Putin's Russia and the Falsification of History. Reasserting Control over the Past. Bloomsbury Academic.